

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2018»

Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.

**«А У НАС В КВАРТИРЕ ГАЗ! А У ВАС?»:
КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ А
ПО ДАННЫМ ПРОСОДИЧЕСКИ
РАЗМЕЧЕННОГО КОРПУСА**

Подлеская В. И. (vi_podlesskaya@il-rggu.ru)

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы;
Москва, Россия

Ключевые слова: сложное предложение, русский язык, корпус,
устная речь, просодия

**“A U NAS V KVARTIRE GAZ. A U VAS?”:
THE RUSSIAN CONJUNCTION A VIEWED
THROUGH THE PRISM OF PROSODICALLY
ANNOTATED CORPUS DATA**

Podlesskaya V. I. (vi_podlesskaya@il-rggu.ru)

Russian State University for the Humanities,
Russian Academy of National Economy and Public
Administration;
Moscow, Russia

The paper focuses on Russian constructions with clauses (or VPs) combined by means of the discourse marker *A*, that behaves as a conjunction or as a particle in different contexts. Prosodically, the construction may come up in two forms: (a) as a single illocution with the first clause

pronounced with a rising pitch that projects discourse continuation, and (b) as two separate illocutions with the first clause pronounced with a falling pitch that projects no continuation. Basing on the data from the Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian, prosody and grammar of (a) and (b) were analyzed qualitatively and quantitatively. Type (b) appeared to be as frequent as type (a) and systematically favored in pragmatically marked contexts.

Key words: clause combining, Russian, corpus, natural discourse, prosody

1. Постановка вопроса

В работе на материале просодически размеченного корпуса устных личных рассказов исследуются сегментные и супraseгментные свойства дискурсивного маркера А — союза и «смежной» с союзом частицы¹. Синтаксису и особенно, семантике этого маркера посвящена огромная литература, включающая, в частности, ставшие уже классическими сочинения [Зализняк, Микаэлян 2005], [Йокояма 1990], [Крейдлин, Падучева 1974а,б], [Левин 1970], [Санников 2008: 108–382], [Урысон 2006, 2011], [Янко 1990, Malchukov 2004] и ряд других. Систематическое исследование семантики и дистрибуции этой единицы на корпусном материале содержится в статье [Зализняк, Микаэлян 2018], там же приводится обширная литература. Вместе с тем, просодия конструкций с А остается в значительной степени белым пятном.

Ядерные употребления союза А — биклаузальные конструкции, в которых с помощью союза сопоставлены два положения дел, у которых обнаруживаются сходства и различия по тому или иному параметру. Так в примере (1)

- (1) (контекст: *Где это видано? Где это слыхано?*)
Дедушка едет, а мальчик идет! (С. Маршак)

говорящий противопоставляет два одновременно наблюдаемых способа перемещения двух действующих лиц. Такое употребление маркера можно условно назвать «двухместным». Синтаксическая интеграция клауз в таких конструкциях проявляется, в частности, в том, что они попадают в сферу действия правил эллипсиса и анафорической замены, ср. *Я еду_i на поезде, а ты — Ø_i — на машине*. Синтаксическая интеграция клауз в таких конструкциях, как правило, подкрепляется просодической интеграцией: так, устная версия примера (1), в общем случае, реализуется с подъемом тона в главном фразовом акценте первого компонента, который располагается на ударном слоге слова *едет*; этот подъем является стандартным просодическим средством оформления дискурсивной незавершенности в русском языке. В письменной речи просодическая незавершенность конвенционально нотируется с помощью пунктуации, ср. запятую перед А в примере (1).

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант №17-18-01184.

Наряду с двухместным употреблением в текстах, особенно разговорных, широко представлено употребление, которое можно назвать «одноместным»². Здесь вводится изолированное положение дел, и функция маркера А «привязать» это положение дел к широкому, часто даже экстралингвистическому контексту и показать, что какой-то параметр вводимого положения дел не выводится непосредственно из текущего информационного фона, например, объявить о смене дискурсивной темы (ср. термин «А поворота повествования», введенный [Е. В. Урысон 2006, 2011]). Одноместные употребления особенно характерны для диалогического, а не для нарративного режима, ср. эмфатически нагруженные вопрос (2) и жалобу (3):

(2) *А куда это ты собрался?*

(3) *А Петька дерется!*

Маркер А в одноместном употреблении в русистике обычно квалифицируется как частица. Для частицы А характерна позиция абсолютного начала иллокуции, в том числе, абсолютного начала диалогической реплики. Фрагмент перед ней, в общем случае, может иметь любую иллокутивную силу, например, вопрос, ср. *Ты почему так поздно встал? — А мне сегодня ко второму уроку*. Если фрагмент, предшествующий одноместному А, имеет иллокутивную силу сообщения, то его иллокутивная независимость и просодическая завершенность сигнализируется прототипически в помощью падения тона в главном фразовом акценте, ср. естественное произнесение с падением тона в главном фразовом акценте первой реплики на ударном слого глагола *устал*: *Что-то я устал. — А чем ты занимался?* В письменной речи такого рода просодическая завершенность конвенционально нотируется с помощью точки и началом следующего фрагмента с заглавной буквы.

Характерной для частицы А является и позиция начала прямой цитаты, следующей за авторской ремаркой, ср. *Ваня тут же пожаловался: «А Петька дерется!»* Препозитивная авторская ремарка, как и независимое сообщение, обычно реализуется с падением тона в главном фразовом акценте. Это создает уникальную дискурсивную коллизию: просодическая реализация не проецирует продолжения, но в то же время, наличие предиката речи с незаполненной валентностью, напротив, предполагает дальнейшее развертывание дискурса. Такой конфликт просодии и лексико-грамматической формы конвенционально нотируется в письменной речи с помощью двоеточия.

Разграничить А-союз и А-частицу в живой речи удастся далеко не всегда, ср. следующее показательное свидетельство из [Грамматики-80, 1982]:

² Анна А. Зализняк и И. Микаэлян (2018) используют в близком значении термин «инициальное А», однако трактуют его расширительно, включая сюда и А в функции междометия, в том числе, сигнализирующего «вынужденное согласие», ср. *А! Черт с ним! Как будет, так будет*. Между тем, междометийное употребление демонстрирует принципиально иные просодические свойства — А-частица употребляется строго атоначески, тогда как А-междометие, как правило, употребляется просодически автономно, становясь акцентоносителем. Такие употребления в настоящей статье не рассматриваются.

§ 1699. Многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов — союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а совмещают в себе качества частицы и слова одного из этих классов. ... Частицы - союзы совмещают разные модальные значения со значениями связующих слов. ... Частицы *а, и* выражают собственно связь, соединенность: — *Да что же это такое!* — *вскричал я.* — *А то такое, что и не знаю, что с ней делать* (Дост.); — *И чудной ты!* — *проговорил вдруг Егоркин.* — *Чем чудной?* — *А всем!* (Станюк.);

Важным тестом, помогающим разграничить А-союз и А-частицу, является тест на синтаксическую подчинимость: конструкции с А-частицей — но не с А-союзом! — относятся к разряду так называемых *main-clause phenomena* «явлений главного предложения», или, согласно важному уточнению, сделанному Е. В. Падучевой [1996а:299], «явлений предложения, которому соответствует отдельный речевой акт» (ср. также близкий термин *root phenomena*, [Lobke et al. 2012] и обширную библиографию там же). Это проявляется, в частности, в том, что конструкция с А-союзом может быть подчинена внешнему хозяину, а конструкция с А-частицей — нет, ср. допустимость подчинения в формате косвенной речи в (1а) и недопустимость в (3а):

(1а) *Народ кричал, что дедушка едет, а мальчик идет*

(3а) **Ваня пожаловался, что а Петька дерется!*

Однако даже применение такого мощного теста наталкивается на сопротивление эмпирического материала. Представим себе, что предложение (1) с А-союзом произносится не с подъемом тона на *едет*, а с падением. Зафиксируем это вполне допустимое произнесение с помощью точки перед А:

(1б) *Дедушка едет. А мальчик идет.*

Фактически здесь произошла парцелляция второго компонента конструкции с изменением просодической реализации при сохранении сегментного состава. Передать эту просодическую «точку» перед А в формате косвенной речи уже не удастся. Еще заметнее станет неподчинимость парцеллированного фрагмента конструкции, если мы распределим ее между двумя говорящими:

(1в) А: *Дедушка едет.*

Б: *А мальчик идет.*

Прочитать реплику говорящего Б в формате косвенной речи совершенно невозможно: **Б говорит, что а мальчик идет.* При этом исходная «двухместная» семантика союза полностью сохранена!

Уже этот простой пример показывает, что коммуникативно-просодическая организация конструкций с маркером А должна составить — наряду с их грамматическими и семантическими свойствами — существенную часть «портрета» этих конструкций. Данная работа представляет собой попытку

продвинуться в решении этой задачи с опорой на корпусные данные живой речи. Попробуем ответить на следующие исследовательские вопросы:

- Каков арсенал просодических конфигураций, используемых в составе конструкций с А?
- из этих конфигураций могут использоваться в качестве сигналов автономности\неавтономности клаузы в разворачивающейся структуре дискурса?
- Как эти просодические сигналы могут согласовываться (или не согласовываться!) с лексико-грамматическими?
- Отличается ли употребление конструкций с А в устном и письменном дискурсе?

Я использую материал корпуса «Веселые истории из жизни» электронной коллекции «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» [Spokencorpora 2013]. Корпус содержит 40 устных монологов (аудиофайлы с синхронизированными просодически размеченными транскриптами, респонденты от 18 до 60 лет, около 10 000 словоупотреблений), плюс письменные версии этих же рассказов, самостоятельно записанные авторами спустя несколько дней после записи устной версии (около 7000 словоупотреблений). Исследуемый корпус предоставляет уникальный материал для сравнения дискурсивных стратегий — в том числе, стратегий предикативного сочинения — в устной и письменной речи именно потому, что включает устные и письменные версии рассказов одного и того же говорящего, основанные на одном и том же сюжете. Были проанализированы все вхождения маркера А, обнаруженные в корпусе: 93 вхождения в устном подкорпусе (далее в тексте — примеры с индексом FS-Sp) и 76 эпизодов в письменном подкорпусе (примеры с индексом FS-Wr). Дальнейшее изложение будет строиться следующим образом: в разделе 2 будет описана просодия и грамматика конструкций с А в устной речи, а в разделе 3 будут привлечены данные письменного подкорпуса, а также — для сравнения — корпусные данные об употреблении семантически и структурно близкого союза НО. В завершении раздела 3 будут подведены количественные и качественные итоги исследования.

2. Употребления дискурсивного маркера А в устном подкорпусе «Веселых историй»

Первое важное корпусное свидетельство состоит в том, что конструкции с маркером А с просодической завершенностью фрагмента перед А (условно — «частицы»), встречаются едва ли не чаще, чем конструкции с просодической незавершенностью перед А (условно — «союзы»). Из общего числа конструкций в устном подкорпусе (93) обнаруживается 35 экземпляров с просодической незавершенностью, 41 — с просодической завершенностью и еще 17, в которых это противопоставление либо нейтрализовано, либо его не удается однозначно интерпретировать. Рассмотрим эти три класса случаев более подробно.

2.1. Просодическая незавершенность перед А

Как и следовало ожидать, в нашем материале широко представлены прототипические бинарные конструкции с А, компоненты которых иллокутивно однородны, т. е. имеют одинаковую иллокутивную силу (преимущественно, сообщение, так как мы имеем дело с коллекцией нарративов), и первый компонент которых реализуется как просодически незавершенный. Дефолтный способ маркирования просодической незавершенности в таких конструкциях «прототипический русский подъем» с падением на заударных, если они есть [Янко 2008:31], т. е. по типу ИК-3 в терминологии интонационных конструкций [Брызгунова 1982a], ср. подъем на слове *главном* в строке б в (4):

(4) FS_37-f_Sp³

6. ... А поскольку-у .. \ректорат .. находится в /главном здании,
7. ... а \физфак и \кафедра в то время ... располагалась в том числе ... в /отдельном корпусе,

В единичных случаях незавершенность перед А маркируется конфигурацией типа ИК-4 — падением на ударном слоге с последующим подъемом на заударных или непосредственно на ударном слоге, если заударных нет. Эта конфигурация в русском языке, по наблюдениям Т. Е. Янко [2008: 33, 200–225], связана со значением «рассказа по порядку», а также с сопоставлением и противопоставлением, ср. движение тона на слове *кирпич* в (5):

(5) FS_02-f_Sp

17. ... ↑\-/—Заезжа-аем мы значит,
18. под \кирпич,
19. ... а /впереди едет \машина,
20. ... и стоят там \милиционеры,

Возможна конфигурация с так называемым «нефинальным» падением, [Кибрик, Подлеская (ред.):152–155], т. е. падением не в самый низкий для данного говорящего уровень. Одна из функций нефинального падения как маркера дискурсивной незавершенности — показать, что данное движение тона адаптируется к подъему тона в следующей коммуникативно-просодической составляющей, чтобы интегрировать текущую составляющую с последующей. Именно такая функция в (6) у падения на слове *одной* в строке 25 — оно адаптировано к подъему в главном акценте следующей строки, на слове *другой*. Подъем на слове *другой* вызван внешними дискурсивными причинами — он маркирует незавершенное перечисление. Благодаря адаптивному падению в строке 25, строки 25–26 интегрируются в качестве уточнения к строке 24 и образуют с ней единый элемент в цепочке перечисления (другие элементы — строка 27 и строки 28–29):

³ Об используемой системе дискурсивной транскрипции см. Кибрик, Подлеская (ред.) 2009, SpokenCorpora 2013. Индекс примера содержит отсылку к ярлыку текста в составе корпуса.

(6) FS_37-f_Sp

24. ... /Вот через такую \лужу нам хотелось /перебраться,
25. ему с \одной стороны,
26. а мне с /-другой →стороны,,,
27. ... оба /-спешили,,,
28. ... вблизи \не было /-видно,
29. ... где-е <ем=> | где бы эту /лужу можно было \обойти.

Пример (6) иллюстрирует еще одну важную особенность конструкций с просодической незавершенностью перед А: существуют лексические, грамматические и дискурсивные факторы, которые устойчиво коррелируют с просодической незавершенностью. Одним из таких факторов является наличие эллипсиса и анафорических замен, (6), (7):

(7) FS_37-f_Sp

40. вот-т з= || как бы /люди заняты вроде /своим делом,
41. а вроде \нет.

Другим фактором, способствующим просодической незавершенности, являются устойчивые лексико-грамматические конструкции, первая часть которых включает проектор, предсказывающий появление второй — *один.. другой\второй*, (6); *пустячок, а приятно*, (8); *не X, а У*, (10), и т. п.:

(8) FS_35-m_Sp

32. ... ну в общем как бы-ы ... /пустячок,
33. ... а \приятно.

(9) FS_18-f_Sp

68. но-о ” не /возмущались,
69. а наоборот \радовались,
70. ... за \студентов,

Просодической незавершенности способствуют некоторые конфигурации дискурсивной структуры. В частности, между компонентами, связанными с помощью маркера А двухместным отношением, может иметься вставка, уточняющая значение первого компонента. Эта вставка часто произносится как парентеза — в более узком частотном диапазоне, со сниженным уровнем громкости — и может завершаться нисходящим акцентом, но семантически сферой действия просодической незавершенности является не материал вставки, а именно фрагмент, вводимый маркером А. Так, в следующем примере просодическим проектором является восходящий акцент в строке 39, именно он предсказывает появление строк 41–42, связанных отношением следования со строкой 39, а строка 40 вводит фоновую информацию и просодически реализуется как парентеза:

(10) FS_02-f_Sp

38. ..(0.40) И тут он значит /оборачивается,
39. смотрит на одну из кадров с этими /цветами,
40. (а там \кактусов было много,)
41. ... (0.52) и /говорит,
42. что мол одного кактуса не \хватает.

Сходным образом, просодическая незавершенность в строке 50 (восходящий акцент на слове *аэропорт*) «разрешается» в строках 53–54, связанных с 50 отношением следования, а строка 51 — с А — является парентетической вставкой:

(11) FS_05-m_Sp

50. ... /И на следующий /день ... приходит он в /аэропорт,
51. ... ээ (а /там-м /аэропорт это такое \поле,)
52. ... \вот,
53. .. /смотрит,
54. /—самолёт его подогнали,,,

Наконец, просодической незавершенности могут способствовать и семантические факторы. Так, один из распространенных семантических классов конструкций с А вводит во второй части некоторое положение дел, которое обнаруживается субъектом, а в первой части — обстоятельство обнаружения или действие, в результате которого это положение дел обнаруживается. В таких конструкциях первый компонент устойчиво реализуется как просодически незавершенный:

(12) FS_04-f_Sp

27. моя /подружка —
28. /Кристина,
29. — .. {СМЕХ } /смотрит,
30. а там у него \цветы всякие в горшках,

(13) FS_23-f_Sp

112. .. /—возвращаюся,
113. {ЧМОКАНЬЕ} ... а он ей на-а подушку —
114. .. под /—покрыва-ало!,
115. — ... \накакал,

2.2. Просодическая завершенность перед А

Просодическая завершенность перед А стандартно маркируется падением тона в главном фразовом акценте первого компонента по типу ИК-1 в терминологии интонационных конструкций [Брызгунова 1982, Янко 2008]. Среди

конструкций с просодически завершенным первым компонентом имеются прототипические биклаузные иллокутивно однородные конструкции, в которых А можно было бы квалифицировать как семантически двухместный союз, если бы не просодическая дезинтеграция второго компонента (ср. иллюстративный пример (16) выше). Таковы употребления А в строках 56 и 57 следующего примера:

(14) FS_19-f_Sp

54. и перед нами стоит абсолютно голый \мужчина.
55. … И \смотрит на нас.
56. … А я смотрю на \него.
57. А он на \нас смотрит.

Более заметный сдвиг в сторону частицы по шкале «двухместный союз vs. одноместная частица» наблюдается в тех случаях, когда компонентами семантически двухместного маркера являются не единичные клаузы, а более протяженные фрагменты. Так, в следующем примере оба вхождения А (строки 8 и 11) следуют за просодически завершенными фрагментами, и оба маркируют смену микроэпизодов, связанную со сменой протагониста:

(15) FS_03-m_Sp

7. … И-и …{ЦОКАНЬЕ} значит-т … прошу \щи.
8. …А тётка —
9. … ээ …которая … эти щи самые … /кладёт,
10. — … не к= || не кладёт мне в них \сметану.
11. А я || … я с= || см= || /смотрю,
12. у них там … рядом —
13. …(0.40) на \стойке,
14. — стоит \сметана,
15. …(0.34) и явно её …(0.25) нужно класть в \щи.

Сходным образом, А в следующем примере маркирует переключение условий при сохранении протагониста:

(16) FS_19-f_Sp

76. … Каждый раз когда кто-то /проходил … мимо двери,
77. если эт= || ээ если в компании проходящих б-был какой-нибудь /мужчина,
78. то он не \открывал дверь.
79. … А если шли только … особи /женского пола,
80. он значит … тут как \тут,

Дальнейшее продвижение в сторону частицы обнаруживается в тех случаях, где компоненты двухместного отношения входят в реплики разных говорящих,

ср. иллюстративный пример (1в) выше и (17) — «она землячка, а я живу в одном городе»:

(17) FS_13-f_Sp

- 54. и он \говорит:
- 55. …«И ещё .. к тому же .. она землячка \Медведева!»
- 56. .. Ну я говорю
- 57. «/Да?
- 58. И \/что?
- 59. 'А я с ним в одном \горуде живу.»

Наконец, одноместному употреблению А, которое естественно квалифицировать как частицу, в нашем массиве примеров всегда сопутствует просодическая завершенность предшествующего компонента. Такие употребления, как уже говорилось выше, свойственны диалогическому режиму, в то время как исследуемый корпус составляют нарративы. Поэтому неудивительно, что одноместные употребления А обнаруживаются в нашем материале в составе прямых цитат — почти четверть (9 из 41 эпизода просодической завершенности перед А) составляют случаи, где директивная, пример (18), или вопросительная, пример (19), реплика следует в формате прямой речи после авторской ремарки. Ремарка же стандартным образом реализуется с падением тона в главном акценте⁴:

(18) FS_03-m_Sp

- 20. ..(0.40) Я ..(0.39) и \говорую этой тётке:
- 21. …(0.50) «А-а …(0.65) положите мне э-э …(0.52) \сметаны в щи».

(19) FS_05-m_Sp

- 45. … и тут папа \думает:
- 46. «А' || а' || а собственно .. ээ так ли велика разница между шестым и \шестнадцатым?»

2.3. Спорные случаи

В исследованном материале употребление А не исчерпывается перечисленными выше очевидными случаями просодической завершенности и просодической незавершенности.

Первую группу проблемных случаев составляют контексты, в которых фрагмент, предшествующий А, маркирован акцентом типа ИК-6 по Е. А. Брызгуновой — с подъемом на ударном слоге, за которым не следует падения на заударных.

⁴ В живой речи препозитивная авторская ремарка может произноситься и атонически, образуя, фактически, единую иллокуцию с цитируемым фрагментом. В этом случае можно считать, что левая граница фрагмента с одноместным А совпадает с левой границей авторской ремарки.

Эта конфигурация, которую условно можно назвать интонацией многоточия, особенно при растянутом ударном слоге, выражает, согласно Т. Е. Янко, значение имитации ментальной деятельности (припоминание, недоумение), однако при этом широко используется и для выражения незавершенности при описании череды событий, открытого списка [Янко 2008: 109–113, 166–167]. Получая на вход фрагмент, оформленный таким образом, слушающий допускает, что возможно продолжение, но оно жестко не проецируется. Так, в следующем примере, строки 6–7 представляют собой незаконченное перечисление мест празднования, главные фразовые акценты в этих строках реализуются как ИК-6 с растянутой ударной гласной. В принципе, ни лексико-грамматическое, ни просодическое оформление этих строк не проецируют их потенциальную связь со следующим фрагментом, однако и не противоречат такой связи. В той системе нотации, которая используется в корпусах [Spokencorpora 2013], такого рода омонимия дискурсивного статуса делает допустимыми два варианта нотации в позиции перед А, ср. (20а) — знак «...» плюс заглавная буква, т. е. завершенность перед А, иллокутивная граница:

(20а) FS_11-m_Sp

6. ···(0.34) Отмечали мы сначала в /–одноом месте,,,
7. потом в /–другоом...
8. А потом в итоге закончилось отмечанием в /парке на \лавочке.

и (20б) — знак «,,» (ослабленное, внутрииллокутивное многоточие) плюс строчная буква, т. е. незавершенность перед А в составе единой иллокуции:

(20б) FS_11-m_Sp

6. ···(0.34) Отмечали мы сначала в /–одноом месте,,,
7. потом в /–другоом,,,
8. а потом в итоге закончилось отмечанием в /парке на \лавочке.

Можно заключить, что в такого рода контекстах противопоставление по просодической завершенности оказывается нейтрализованным.

Другой класс проблемных случаев связан со сменой типа иллокуции на границе перед А. Сочетаемость иллокутивных значений вопроса, директива, обращения, других частных типов иллокуций с дискурсивной незавершенностью пока плохо изучена, поэтому не всегда удается однозначно квалифицировать наблюдаемые просодические паттерны как завершенные или как незавершенные. Приведем пример, где во фрагменте, предшествующем А, на иллокуцию сообщения наложена просодически ярко выраженная эмфаза:

(21) FS_18-f_Sp

269. ···· Brenton так на него /смотрит,
270. ·· и \говорит:
271. ··· «Mein \Mütter!»
272. ··· И \проходит!
273. ···· А водитель смотрит на \–меня,

Здесь восклицание, предшествующее А, реализуется нестандартно — с резким падением из высокого регистра на предупредном слоге, с последующим пологим падением на ударном и слабым пологим подъемом на заударном, см. **рисунок 1**. Можно усмотреть здесь наложение значения незавершенности, однако объективировать такое решение крайне трудно. Поэтому данный случай и ему подобные мы отнесли с спорным:

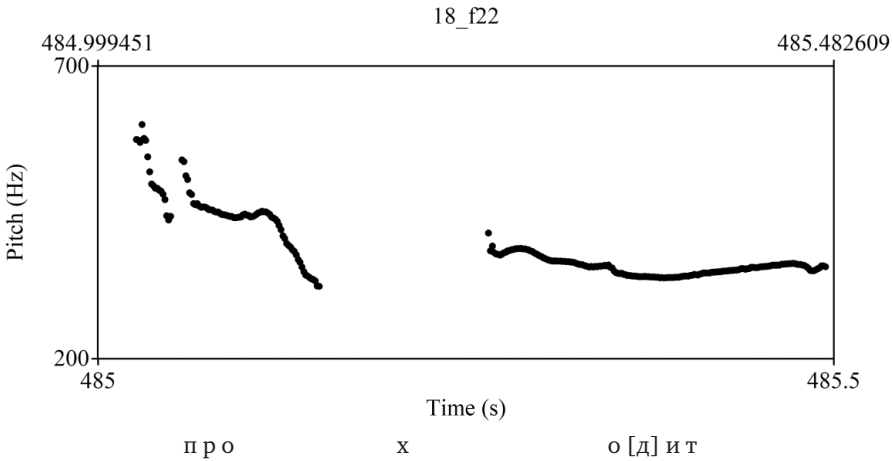

Рисунок 1

Наконец, очевидным образом, группу проблемных случаев пополняют контексты, где в просодическую реализацию А-конструкций вмешивается речевой сбой:

(22) FS_14-f_Sp

- 50. ну в общем .. мы стояли-/стояли,
- 51. и ==
- 52. .. а я-то всё /понимаю,

Таковы, в самом сжатом изложении, ситуации, в которых фрагмент, предшествующий А, может быть охарактеризован как просодически завершенный, как просодически незавершенный или однозначная характеристика его просодического статуса наталкивается на определенные трудности. Обратимся теперь к некоторым общим количественным наблюдениям.

3. Конструкции с А в устном подкорпусе в сопоставлении с письменным: некоторые количественные данные и выводы

3.1. Конструкции с А в устных и письменных версиях рассказов

Для того чтобы сравнить стратегии использования А-конструкций, письменные и устные версии рассказов были выровнены, с тем, чтобы выявить пары текстовых фрагментов (устный/письменный), отсылающих к одному и тому же событию в сюжетной канве рассказа. Для двадцати одной конструкции (чуть меньше трети из 76 обнаруженных в письменном подкорпусе) нашлись прямые аналоги в письменной версии. В письменных версиях рассказов решения о знаках пунктуации принимали сами испытуемые, поэтому есть основания рассматривать «запятую плюс строчное а» как аналог просодической незавершенности, а «точку (вопросительный знак, двоеточие, кавычки) плюс заглавное А» — как аналог просодической завершенности. Выяснилось, что во всех обнаруженных парах, за исключением одной, стратегия выбора просодии\знака перед А в устной и письменной версиях совпадала. В (23а,б) и (24а,б) приведены два из двадцати случаев совпадения стратегии, в (25а,б) — единственный пример несовпадения (устная версия, как и во всех прочих примерах, приводится в корпусной транскрипции, а в письменной версии сохранена орфография и пунктуация испытуемого):

(23а) FS_11-m_Sp

39. /поэтому .. можешь пока потусоваться /дома-а,
40. .. а /потом /наутро /-приедешь в больницу^w ,,,
41. ..мы тебя сразу .. /пропишем,
42. и \прооперируем.»

(23б) FS_11-m_Wr

Так что я могу пока поехать домой, а на утро вернуться
в больницу, где меня сразу зарегистрируют и прооперируют.

(24а) FS_05-m_Sp

45. ... и /тут папа \думает:
46. «А' || а' || а собственно .. ээ так ли велика разница между шестым и \шестнадцатым?»

(24б) FS_05-m_Wr

И папа подумал: «А почему, собственно, 16-е? Здесь же ясно
написано: шестое, разве нет?».

(25а) FS_11-m_Sp

103. ...\думаю:
104. </Ну \всё,

- 105. не могу я больше /лежать,
- 106. нужно чего-то \делать.»
- 107. А уже время одиннадцать /часов,
- 108. .. ээ все легли /спата-ть,
- 109. тихий /часа,
- 110. я \думаю:
- 111. «\О'кей,
- 112. у меня есть /книжечка,
- 113. пойду прочитаю в \холле.»

(256) FS_11-m_Wr

К вечеру лежать мне надоело, а так как было уже после одиннадцати, и все спали, мне пришлось выйти читать в холл.

Возможное объяснение наблюдаемого параллелизма состоит в том, что говорящий, выбирая определенный способ упаковки фрагментов ситуации и тип связи между этими фрагментами, выбирает и наиболее приемлемый — с его точки зрения — для данного контекста уровень интеграции фрагментов в единое целое. Совпадение контекстов приводит к совпадению уровня интеграции.

3.2. А и НО

Напомню, что в устном подкорпусе было задокументировано 93 вхождения А-конструкций, в письменном — 76 вхождений. Эти данные демонстрируют следующую важную тенденцию: частотность А-конструкций не зависит от регистра речи, а определяется преимущественно сюжетом нарратива: в письменном подкорпусе обнаруживается доля А-конструкций, сопоставимая с устным, но чуть более высокая — 93 на 10 000 слов (9,3 на 1000 слов) в устном против 76 на 7000 слов (10,8 на 1000 слов) в письменном. Сравним эти цифры с данными по тому же корпусу «Веселых историй из жизни», приведенными в Подлеская 2016 для союза НО, см. **Таблицу 1**:

Таблица 1 (на основе Подлеская 2016)

Корпус	Число слов в корпусе	НО всего	НО/ 1000 сл.	А всего	А / 1000 сл.
Веселые истории из жизни, устные	10 000	53	5,3	93	9,3
Веселые истории из жизни, письменные	7 000	31	4,4	76	10,8

Очевидно, что НО в обоих регистрах существенно более редкий маркер, чем А, и его частоты, также, как и частоты А, мало разнятся в устных и письменных версиях (НО — незначительно чаще в устных рассказах, А — незначительно чаще в письменных). Возможное объяснение большей частотности А

кроется в том, что в значении НО более выражен пропозициональный компонент (условно «несоответствие ожиданиям»), тогда как значение А — гораздо более общее и связано, прежде всего, с организацией дискурса.

По-видимому, это же различие в значении приводит и к тому, что А и НО демонстрируют разные распределения по завершенности/незавершенности первого компонента конструкции. Сравним сначала данные **Таблицы 2** и **Таблицы 3**. Здесь мы видим, что в устном подкорпусе доля просодически завершенных компонентов перед А, несколько выше, чем перед НО, но это разница незначительна, и, в целом, доли в колонках «завершенность», «незавершенность» и «спорные случаи» условно укладываются в пропорцию 40/40/20:

Таблица 2 (на основе Подлеская 2016)

Корпус	НО, всего	просодическая завершенность перед НО (доля, %)	просодическая НЕзавершенность перед НО (доля, %)	Спорная просодия (доля, %)
Веселые истории из жизни, устные	53	21 (39,6)	22 (41,5)	10 (18,9)

Таблица 3

Корпус	А, всего	просодическая завершенность перед А (доля, %)	просодическая НЕзавершенность перед А (доля, %)	Спорная просодия (доля, %)
Веселые истории из жизни, устные	93	41 44,1%	35 37,6%	17 18,3%

В письменном подкорпусе при сравнении пунктуационных аналогов завершенности\незавершенности первого компонента картина иная, ср. **Таблицу 4** и **Таблицу 5**. В НО-конструкциях доля незавершенных первых компонентов почти в три раза превосходит долю завершенных, тогда как для А-конструкций доля незавершенных лишь незначительно превосходит долю завершенных. Соответственно, доля завершенных для А-конструкций почти в два раза выше доли завершенных для НО-конструкций:

Таблица 4 (на основе Подлеская 2016)

Корпус	НО, всего	НО с заглавной буквы (доля, %)	НО не с заглавной буквы (доля, %)
Веселые истории из жизни, письменные	31	8 25,8%	23 74,2%

Таблица 5

Корпус	А, всего	А с заглавной буквы (доля, %)	А не с заглавной буквы (доля, %)
Веселые истории из жизни, письменные	76	34 (44,7%)	42 (55,3%)

По-видимому, для НО-конструкций в письменных текстах более влиятельным оказывается прототип с двухместным союзом НО, где оба компонента объединены в единую иллокуцию, и запятая является стандартным пунктуационным проектором, «обещающим» читающему появление в тексте фрагмента, связанного с текущим. Имеющиеся в устных текстах конструкции с просодически завершённым компонентом перед НО строятся по модели парцелляции второго компонента, ср. строки 7–8 и 9–10 в (26):

(26) FS_02-f_Sp

7. И-и /решили \/-мы ..(0.39) мм(0.28) /поехать на смотровую \ площадку^w.
8. ..(0.31) {ЧМОКАНЬЕ 0.14} Но там \не было парковочных мест.
9. /Мы решили захватить на /территорию \университета^w.
10. ..(0.31) Но /там висит ↑\кирпи-ич.

В письменных текстах авторы стараются избегать таких построений, ориентируясь на стереотипы прескриптивной пунктуации. В отличие от НО, для дискурсивного маркера А в письменных текстах сохраняется два формата — наряду с двухместным А сохраняется хождение одноместного А, ср. (246). Вполне вероятно, что двухместные употребления А с парцелляцией подвергаются такой же пунктуационной коррекции, как и двухместные НО, однако одноместные А с завершённым первым компонентом сохраняются. Поэтому общая доля А-конструкций в завершённом первым компонентом в письменных текстах сохраняется столь же высокой, что и в устных текстах.

Разумеется, обследованный корпус имеет небольшой объём для полновесных количественных выводов, однако он даёт эмпирическую основу для качественного анализа, позволяющего сложить общий портрет дискурсивного маркера из разнообразия его лексико-грамматических, семантических и просодических проявлений. Дальнейшее расширение просодически размеченного массива данных позволит усилить предложенную функциональную аргументацию и повысить статистическую валидность материала.

Литература

1. *Брызгунова Е. А.* (1982) Интонация, Русская грамматика, том 1, М.: Наука, 103–118.
2. *Грамматика-80* (1982): Русская грамматика. В 2-х тт. / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука
3. *Зализняк Анна А., Микаэлян И.* (2005) Русский союз А как лингвоспецифическое слово. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог' 2005» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Звенигород.
4. *Зализняк Анна А., Микаэлян И.* (2018) Русское А: новый взгляд на старую проблему. *Russian Linguistics*. (in print)
5. *Йокояма О.* (1990) К анализу русских сочинительных союзов. . В.: Арутюнова Н. Д. (ред.) Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 190–193.
6. *Кибрик А. А., Подлеская В. И.* (ред.) (2009) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК.
7. *Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В.* (1974а) Значение и синтаксические свойства союза А. Научно-техническая информация, 2–9, 31–37.
8. *Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В.* (1974б) Взаимодействие ассоциативных значений и актуального членения в предложениях с союзом А. Научно-техническая информация, 2–10, 32–37.
9. *Левин Ю. И.* (1970) Об одной группе союзов русского языка. Машинный перевод и прикладная лингвистика, 13, 64–88.
10. *Падучева Е. В.* (1996а) Субъективная модальность: иллюкутивные показатели и вводные слова // Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 297–320.
11. *Подлеская В. И.* (2016) «Но по расчету по моему должна родить»: конструкции с союзом но по данным корпусов с просодической разметкой. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2016). Выпуск 15, 561–565
12. *Санников В. З.* (2008) Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: ЯСК.
13. *Урысон Е. В.* (2006) Подсистема русских сочинительных союзов И, А и ИО. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог' 2006» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Бекасово, 519–526.
14. *Урысон Е. В.* (2011) Опыт описания семантики союзов. М.: ЯСК.
15. *Янко Т. Е.* (1990) Еще раз о союзах А и ИО. В.: Арутюнова Н. Д. (ред.) Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 246–258.
16. *Янко Т. Е.* (2008) Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. Москва: Языки славянских культур.

References

1. *Bryzgunova E. A.* (1982) Intonation [Intonatsiya], Russian Grammar [Russkaja grammatika]. Vol. 1, Nauka, Moscow, pp. 98–118
2. *Janko T. E.* (2008) Intonacionnye strategii russskoj rechi v tipologicheskom aspekte [Intonational strategies in spoken Russian from a comparative perspective]. Moskva: Jazyki Slavjanskix Kul'tur.
3. *Kibrik A. A., Podlesskaya V. I.* [Eds.] (2009) Rasskazy o snovidenijax: korpusnoe issledovanie usnogo russkogo diskursa [Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Jazyki Slavjanskix Kul'tur.
4. *Lobke Aelbrecht, Haegeman Liliane, Rachel Nye* (Eds.) (2012) Main Clause Phenomena: New Horizons [Linguistik Aktuell/Linguistics Today, 190] John Benjamins
5. *Malchukov A.* (2004) Towards a Semantic Typology of Adversative and Contrast Marking. *Journal of Semantics* 21, 177–198
6. *Podlesskaya V.* (2016) “No po raschotu po moemu dolzhna rodit’”: the russian conjunction NO viewed through the prism of prosodically annotated corpus data. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue”* (2016) Issue 15, 561–565
7. Spokencorpora (2013) Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian (PrACS-Russ). Pilot version. Online: <http://spokencorpora.ru>